

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 793.2

И. В. Даренская

г. Нижний Тагил, Россия

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРАЗДНИКИ КАК СПОСОБ МИЛИТАРИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ НА УРАЛЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

АННОТАЦИЯ. Автор статьи на основании функционального подхода классифицирует события советского праздничного календаря, определяет основные факторы, объединяющие советские праздники. В статье описан алгоритм проведения советских праздников, характеризуются различные реакции населения на формируемую праздничную культуру.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революционные праздники, милитаризация, мобилизация населения, советский праздничный календарь.

I. V. Darenskaya

Nizhny Tagil, Russia

REVOLUTIONARY HOLIDAYS AS A WAY OF MILITARIZATION SOCIAL CONSCIOUSNESS IN THE URALS IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER: METHODOLOGICAL ASPECT

ABSTRACT. Using functional approach, the author classifies events of Soviet holiday calendar and determines major factors common to Soviet festivals. The article describes an algorithms of Soviet festival rituals and explores a variety of people's reactions regarding the festival culture that was being created.

KEYWORDS: revolutionary festivals, militarisation, mobilisation of population, Soviet holiday calendar

На рубеже 1920-х–1930-х гг. одним из наиболее эффективных агитационных механизмов, позволявших партийно-государственному руководству страны обеспечивать необходимый уровень участия граждан в политических и социально-экономических кампаниях, являлось формирование новой советской праздничной культуры. Именно праздники, по мнению С.Ю. Малышевой, служили способом ассимиляции новой исторической мифологии в общественном сознании, легитимируя новый режим, новую власть, новую систему социальных норм и ценностей [1, с.13-14].

Прежде чем обратиться к организационным и идеологическим алгоритмам проведения массовых праздничных мероприятий, приемам конструирования и

трансляции новой советской праздничной культуры необходимо обозначить круг основных торжеств, являвшихся функциональными элементами системы политической агитации и пропаганды.

В качестве основного критерия систематизации событий советского праздничного календаря использовался функциональный подход к определению идеологической, агитационной и трансляционной роли праздничных мероприятий в популяризации целей развития страны. В соответствии с выработанными критериями в новом советском праздничном календаре нами выделены следующие группы торжеств, цели организации которых отвечали задачам массовой военно-патриотической мобилизации:

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

1) торжественные мероприятия, способствовавшие формированию в общественном сознании идеологически верной картины событий политической истории, условно обозначаемые нами термином «годовщины»: а/ революционные торжества (посвященные празднованию завоеваний Февральской революции; Октябрьской Революции; событий января 1905 г.), б/ торжества, посвященные празднованию событий региональной истории (годовщины освобождения Урала от Колчака);

2) праздничные мероприятия, направленные на повышение обороноспособности страны и милитаризацию общественного сознания (10-я и последующие годовщины Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА);

3) торжества, посвященные повышению пролетарской сознательности, сплоченности и взаимопомощи рабочего класса, условно кодируемые нами как «международные» праздники (Международный день помощи пролетарским революционерам, Международный день солидарности трудящихся («Первомай»), День Парижской Коммуны; Международный юношеский день (МЮД), Международный коммунистический женский день (8 марта);

4) торжества, посвященные формированию культа памяти революционных вождей («годовщины» рождения и смерти В.И.Ленина и др.)

Анализ советского праздничного («юбилейного») календаря, хотя и насыщенного специфическими и многофункциональными праздниками, позволяет констатировать единство общего праздничного функционала, обусловленное рядом факторов. Во-первых, мифотворческой доминантой большинства советских праздников. Формирование новой праздничной культуры, как отмечает С.Ю. Малышева, обосновывалось лихорадочным стремлением партийного и государственного руководства в периоды наибольшей опасности и уязвимости правящего режима посредством праздничной мифологии вне-

дуть в массовое сознание и психологию «правильную» картину прошлого и в нужном русле интерпретировать настоящее [1, с.18]. Являясь мифотворческим компонентом процесса конструирования новой социальной реальности, праздники способствовали легитимизации правящего режима, транслируя формируемое партийными идеологами представление о справедливости установления советской власти.

Вторым объединяющим элементом является компенсаторный потенциал праздничных мероприятий. Создаваемая праздничная атмосфера, эмоциональное ощущение радости и победы, способствовали как дальнейшей мобилизации сил для выполнения государственных задач, так и «примирению» населения с окружающей действительностью.

Подготовительную работу по проведению отдельных торжеств, согласно инструктивным письмам Уральского областного комитета ВКП(Б), выполняли специальные комиссии при райкомах ВКП(б), окрбюро и назначаемые представители от всех партийных, комсомольских и профсоюзных организаций [6, Л.5; 5, Л.2].

Анализ материалов, отражающих деятельность комиссий по проведению празднеств, позволяет констатировать при специфичности отдельных сценариев наличие единого алгоритма проведения праздничных кампаний.

Н. И. Подвойский, выступая 28 апреля 1927 г. на заседании ЦК при Президиуме ЦИК СССР, обосновывал эффективность проведения любых торжественных кампаний при условии соблюдения определенной схемы организации праздничных мероприятий. Она представляла собой последовательную смену 3 организационных форм: торжественных собраний и заседаний, призванных придать «значимость» проводимым празднествам; демонстраций и парадов; развлекательных мероприятий (массовых гуляний, концертов, клубных мероприятий).

Всесоюзный алгоритм проведения праздников точно соблюдался в Уральском

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

регионе, что отражено в планах проведения торжеств, опубликованных в местных средствах массовой информации.

Первой, базовой формой подготовки и проведения торжественных кампаний, не требующей серьезных материальных затрат, являлись декларативно-популистские мероприятия – торжественные заседания и вечера воспоминаний. Общие собрания предваряли праздничные торжества, создавая атмосферу всеобщего участия и радости. Особенность второго этапа организации празднеств заключалась в превалировании активных, массовых зрелищных мероприятий – парадов и демонстраций. Доминирование военизированных форм проведения мирных праздников было обусловлено сохранением поведенческих норм и установок периода Гражданской войны, милитаризацией общественного сознания предыдущего десятилетия и рубежа 1920-х–1930-х гг.

Высоко оценивая агитационный потенциал парадов и демонстраций, центральные и местные власти стремились путем «оживления» торжественных мероприятий, обеспечить рост их популярности и увеличить долю участвующего в них населения. Продолжая традиции организации праздников начала 1920-х гг., демонстрации сопровождалась показом «живых газет», инсценировками «на злобу дня», выступлениями «синезубников». Для придания зрелищности и эмоциональности происходящему действию в сценарий парадов включали показы «наших достижений», выступления кружков физкультурников и участников художественной самодеятельности [4, Л.1]. В состав праздничных процессий стали входить группы «застрельщиков» – «массовиков-затейников», обязанностью которых было создание атмосферы праздничной активности, сплоченности участников демонстрации.

На рубеже 1920-х–1930-х гг. на Урале особой формой организации демонстраций были так называемые «карнавалы». Инсценировки и факельные ночные шествия – непременные атрибуты тради-

ционного карнавала, способствовали визуализации образов и символов новой эпохи и оказывали наиболее сильное эмоционально-психологическое воздействие, прежде всего, на малограмотное население, восприимчивое к впечатлениям массовых зрелищ.

Программа проведения факельных шествий основывалась на 5 символических моментах.

1. Факелы, рассекающие ночь, олицетворяющую беспросветность прошлой жизни, символизировали зарождение зари, луч солнца, живительное тепло для начала новой жизни.
2. Постановочная игра света и тьмы символизировала борьбу добра и зла, своего и чужого, победу светлого над темным.
3. Ночные шествия обычно начинались от костров, зажженных на вершинах гор, издревле считающихся на Урале священными местами. Спускаемые с вершин зажженные факелы символизировали начало новой жизни, поток, постепенно заполняющий все жизненное пространство города.
4. Одновременное зажжение костров и факелов сразу в нескольких концах городов было призвано включить в общее праздничное пространство все население городов, предупредить дистанцирование от общего празднования отдельных жителей.
5. Доминирование красного цвета, общий кровавый фон символизировали кровь, пролитую для установления советской власти, готовность принести себя в жертву, если это понадобится. Цветовое решение шествий было регламентировано: красный являлся цветом пролетариата, пролитой крови, солнца; желтый – цветом примиренчества; черный и белый – реакции, соглашательства, аполитичности.

Факельные шествия, посвященные Международному Дню солидарности трудящихся, представляли собой воспроизведение традиционных элементов праздничной культуры – «карнавализацию», характерную как для европейской культуры, так

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

и для праздничной канвы дореволюционной России. Так одним из эффективных приемов воздействия на население было сожжение фигур, символизировавших прошлых и современных врагов советской власти. На площадях, реконструируя традиционную атмосферу и символику празднования Масленицы, сжигались куклы, олицетворяющие «капитал», «растратчи-ка», «накладные расходы», «прогулы».

Посредством карнавальных инсценировок в сознании людей закреплялся «единственно верный» вариант интерпретации революционных событий.

Завершающим третьим этапом празднеств были развлечения на открытом воздухе, приоритетность которых была обусловлена острой нехваткой культурных учреждений и стесненными жилищными условиями большинства горожан. В городах и заводских поселках в праздничные дни, согласно материалам комиссии по проведению общественно-политических кампаний, организовывались спектакли, игры, выставки, спортивные соревнования [3, Л.1].

Констатируя значительный процент участия населения в различных праздничных компаниях, необходимо отметить, что чрезмерная настойчивость властей в насаждении новой культуры обусловила появление различных форм народного протеста и недовольства новыми торжествами.

Если массовые гуляния и развлечения как традиционные формы организации праздников, перешедшие из дореволюционного праздничного календаря не вызвали негативного отношения у населения, то типично «советские» мероприятия обуславливали целый спектр индивидуальных восприятий и реакций. Чаще всего, сопротивляясь внедрению новых элементов праздничного ритуала, население выбира-

ло тактику их игнорирования или пассивного участия.

В официальных документах содержатся лишь единичные статистические данные о количестве сорванных или находящихся на грани срыва демонстраций. Так на Лысьвенском заводе из общего количества рабочих – 22 тысячи (по данным на 5 мая 1930 г.) в первомайской демонстрации в 1930 г. участвовало не более 4000 человек [2, Л.37]. На Чусовском заводе в аналогичный период из 8000 рабочих в демонстрации участвовало 3000 человек, к концу парада осталось 1500, по преимуществу молодежь [2, Л.40]. В обком ВКП(б) регулярно поступали сведения о срыве торжественных собраний, порче праздничных транспарантов, флагов, листовок.

Феномен «недовольства праздником» логически объяснялся создавшимися социально-политическими условиями, когда организаторы празднеств были вынуждены действовать на «поле конфликта» в процессе замены старого праздничного календаря на новый.

В целом, на рубеже 1920-х–1930-х гг. руководителями пропагандистских секций городских советов и комитетов ВКП(б) особое внимание отводилось проведению «военных» праздников и годовщин, организуемых в общем контексте «военной социализации» всего населения в целях милитаризации общественного сознания, повышения обороноспособности страны и психофизической подготовки всех категорий населения к возможной войне. При этом анализ доступного комплекса источников позволяет выявить целый спектр моделей поведения уральцев: от активной поддержки и выражения лояльности власти до речевых и поведенческих форм проявления негативного отношения к государственной «праздничной политике».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мальшева С.Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917-1927). Казань, 2005.
2. Государственный архив Пермского края. Ф.Р-122. Оп.3. Д.8.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

3. Государственный архив Российской Федерации. Ф.5469. Оп.13. Д.372.
4. Государственный архив Свердловской области. Ф.2516. Оп.1. Д.313.
5. Нижнетагильский городской исторический архив. Ф.70. Оп.1. Д.113.
6. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. Оп.8. Л.112. Л.45.